

Т.П. Буслакова

«Матренин двор» (1959)

Исследование русского характера продолжалось в произведениях Солженицына конца 1950-х — начала 1960-х годов. В рассказе «Матренин двор» авторская цель реализуется в разработке двух образов — рассказчика и главной героини. Акцент на ее имени возник в связи с заглавием, придуманным редактором «Нового мира» А. Твардовским (рассказ был напечатан в первом номере журнала за 1963 год). В первоначальном варианте произведение называлось «Не стоит село без праведника», а действие в нем происходило в 1956 году (в опубликованной редакции события развивались в дохрущевское время — в 1953). Изменения были направлены на то, чтобы придать повествованию более частный смысл, не позволявший увидеть в героине развитие классической традиции символического воспроизведения народной судьбы в образе женщины-крестьянки (обобщенный характер названия сохранялся благодаря использованию имени героини поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»).

Сюжет концентрируется вокруг события, происшедшего «На сто восемьдесят четвертом километре от Москвы по ветке, что идет к Мурому и Казани». Оно стало настолько заметным, что «с добрых полгода после того все поезда замедляли свой ход», потому что «машинисты знали и помнили». Помнил его и рассказчик, повествование о судьбе которого является важной составной частью сюжета. Он прошел путь к «Матрениному двору» «из пыльной горячей пустыни», где «задержался... годиков на десять». Осуществить свою мечту вернуться в «нутряную» Россию ему удастся, когда в стране начало «что-то... страгиваться» (иносказание об освобождении из лагеря, откуда привезена памятная «лагерная телогрейка», и ссылки по ту «сторону Уральского хребта»).

Долгие годы испытаний не поселили в душе рассказчика обиды на Россию, не оставили в ней злого следа. Его влечет в «тихий уголок», где «ниоткуда не слышно радио и все в мире молчит», и потому можно расслышать слова, «те самые, за которыми потянула... тоска из Азии», от смысла которых «веселела душа» и становилось ясно, что нужно сделать, чтобы было «не обидно бы жить и умереть». Поиски ведут его в глубинку, «подалее от железной дороги», где за «лихими», «дремучими, непроходимыми лесами» могла сохраниться исконная русская душа. Но и по этой древней стороне прокатилось безжалостное колесо истории, сровнявшее с землей «изрядно гектаров леса», изуродовавшее русский язык («Торфопродукт? Ах, Тургенев не знал, что можно по-русски составить такое!») и деревенский уклад быта («Без ошибки я мог предположить, что вечером над дверьми клуба будет надрываться радиола, а по улице пображивать пьяные да подпыривать друг друга ножами»).

Веря в то, что «успокоение», «просветление» надо искать в «кондовой России»¹, рассказчик готов отправиться еще «подале» (в прямом смысле — найти деревню «поглуше», в переносном — заглянуть в глубины народного сознания). Судьба приводит его к «одинокой женщине лет шестидесяти» (у «знакомой» «места не было... оттого она повела меня к одним... и еще к другим. Но и здесь не нашлось комнаты... — Ну, разве что к Матрене зайдем, — сказала моя проводница...»), бедной и измотанной «черным недугом». Свое согласие с таким «жребием» («...Матрена Васильевна вынудила меня походить еще по деревне...») рассказчик объясняет не только желанной тишиной в «темноватой избе»,

¹ Кондовый — крепкий, здоровый, превосходный, «первой руки» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка).

но и той особой жизнью, которую он почувствовал в ней («безмолвная, но живая толпа» фикусов, заполняющих «одинокость хозяйки»).

В первой части рассказа обрисована экспозиция сюжета, внешние события в котором оказываются наполнены глубоким философским смыслом. Наблюдая за повседневной нищенской («Я только потом узнал, что год за годом, многие годы, ниоткуда не зарабатывала... ни рубля. Потому что пенсии ей не платили... А в колхозе она работала не за деньги — за палочки»), неприятельной («...изба Матрены... от дождей... еще не протекала, и ветрами студенными выдувало из нее печное грево не сразу, лишь под утро... Что за завтрак, она не объявляла, да это и догадаться было легко: *картошь* необлупленная, или суп *картонный* (так выговаривали все в деревне), или каша ячневая (другой крупы в тот год нельзя было купить в Торфопродукте, да и ячневую-то с бою...») жизнью Матрены Васильевны, рассказчик видит ее несоответствие духовному настрою героини. Как и у него самого (автобиографическая основа образа проявляется в совпадении дат реабилитации, сходстве в стремлении «учительствовать», напоминает о ней даже отчество героя — «Игнатич»), «много было у Матрены обид», с ней «наворочено было много несправедливостей». Но, привыкнув «не в еде находить смысл... существования», она остается «простодушной», «доброжелательной», «лучезарной», «просветленной».

Главным в ее образе является доброта («доброе расположение духа», «добрая улыбка»), побеждающая в ее душе все тяготы и заботы. Никакие «враги» («...воровали раньше лес у барина, теперь тянули торф у треста», «Из канцелярии в канцелярию... гоняли ее два месяца...») не могли надолго «омрачить» ее настроение. «Верным средством вернуть» внутренний свет была для нее работа, ощущение, что ее жизнь включена в общий «закономерный порядок» земных дел. Созвучие мировой гармонии — источник независимости от людской «суеты», за которую часто «как будто ей было совестно». Однако при этом «свой черед дел» она готова была прервать ради колхоза, к которому «теперь не присоединена», «любой родственницы дальней или просто соседки». Все это она делала бескорыстно («Не берет она денег»), «без тени зависти», хотя, когда к ней «врывалась... тяжелая немочь», и она «сутками лежала пластом», помогать ей по хозяйству приходила только ее давняя подруга.

Героиня находится как бы вне общества, сливаясь с природой («...не столам конторским кланяясь, а лесным кустам...»), сохраняя исконно русский уклад быта. Темнота, необразованность, суеверия («Боялась она пожара», «молоньи», плохих примет, новых машин, «иностранных делегаций», «искусственных спутников») соединяются в ней с искренней религиозностью («ходила она за пять верст в церковь», «дело всякое начинала «с Богом!»; «по праздникам зажигала... лампадку»), смирение, боязнь показаться «барыней» («Вызвать на дом врача... было... как-то неприлично перед соседями...») — со сказочной силой и удалью. Реминисцентным фоном для рассказы Матрены о том, что в молодости она «по пять пудов тижелью не считала», а однажды «за узду схватила, остановила» сани, которые понес «с испугу» в озеро «здоровый», «стиховой», «овсяной» конь, является некрасовский образ русской женщины. В поэме «Мороз, Красный нос» Некрасов, обрисовывая «тип величавой славянки», выделяет среди ее черт «сознание, // Что все их спасенье в труде», и «внутренней силы печать»:

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!..

Традиционным является и раскрытие внутреннего мира на основе песенной стилистики: у Матрены «певучая» речь (впечатление усилено включением в текст «напевных» фонетических и лексических диалектизмов. У нее твердые представления, как петь «по-нашему», а воспоминания о ее юности вызывают у рассказчика ассоциацию с «песней под небом, какие давно уже отстала деревня петь, да и не споешь при механизмах». Все эти

качества были не раз проверены жизнью, о чем «не подозревал» рассказчик, видя «Матрону сегодняшнюю, потерянную старуху». Во второй части, когда он и его хозяйка «привыкли» друг к другу, героиня становится откровенней, и перед «постояльцем» оживает ее прошлое: «неяркая», «убогая» жизнь вспыхивает целым спектром красок: юность, любовь, разлука, война, «перевернувшийся» от двух революций свет, замужество и возвращение первого жениха, смерть шестерых детей, другая война, отнявшая мужа, воспитание Киры, младшей дочери бывшего суженого. Умиротворенность оказывается зыбкой, и вскоре внешние, «видимые» механизмы жизни приходят в движение. Родственники, опережая события, начинают делить «добро» Матрены, разбирая «отдельный сруб горницы» «по ребрышкам», чтобы везти к Кире в Черусти.

За противоречием между советской современностью и «бывалостию», общественно-политическими условиями жизни и устоями национального характера выявляется общечеловеческий смысл конфликта. Героиня оказывается в центре вечного противостояния добра и зла, пытаясь «совестью своей», самой жизнью соединить края пропасти. Кульминацией во внешнем и внутреннем сюжетных планах является момент гибели Матрены на переезде («На переезде — горка, въезд крутой. Шлагбаума нет. С первыми санями трактор перевалил, а трос лопнул, и вторые сани... застряли... туда же... понесло и Матрону. Что она там подсобить могла... два паровоза сцепленных... тех троих расплющили...»). Трагические события предвещает и страх Матрены перед поездом («Боялась... больше всего почему-то»), и пропажа котелка на водосвятие («как дух нечистый его унес»), и то, что «в те же дни кошка колченогая сбрела со двора». Сама природа противится перевозу — двое суток кружит метель, после чего начинается оттепель — «Две недели не давалась трактору разломанная горница!».

Но самой героине «что-то доброе приснилось под тот день». Рассказчик в последний раз видит ее лицо согретым отсветом «красного морозного солнца». Чувствуя себя «потерянной», испытывая тревогу за то, «чего теперь будет», Матрена все равно пытается восстановить «лад» общей жизни, внося свой светлый вклад в дело, затеянное «ломателями — не строителями», для которых «добро» — понятие материальное. Так же, как когда-то в минуту опасности прежде всего подумала о том, что «так любила» («проснувшись... ночью в дыму, не избу бросилась спасать, а валить фикусы на пол (не задохнулись бы от дыму)»), теперь героиня пошла помогать тем, кто «не предполагают, чтобы Матрене еще долго пришлось жить», так как все это было ради интереса «старого Фаддея», с которым в ее памяти связана лучшая страница жизни («В то лето... ходили мы с ним в рощу сидеть... Без малого не вышла... Война германская началась. Взяли Фаддея на войну»).

Именно этот герой с «почтенной», «величавой» внешностью становится антитезой Матрене не только в связи с тем, что его «руки... ухватились ломать» ее дом, но и потому, что вызванные им бедствия («Дочь его трогалась разумом, над зятем висел суд, в собственном доме его лежал убитый им сын, на той же улице — убитая им женщина, которую он любил когда-то...») не изменяют его представлений о том, что «добро» — это «имущество», которое «терять считается перед людьми постыдно и глупо». В третьей части рассказа, где описаны события после страшного случая на переезде, «ненасытный старик» является главным действующим лицом, воплощая деревенский идеал «бережного» человека («...преодолевая немощь и ломоту... сам возил бревна на саночках»).

Среди своих односельчан Матрена остается «не понятой», «чужой». Даже отзывы о ней ее золовки, к которой переехал рассказчик, презрительно сожалеющие. Только в авторском восприятии выявляется значение этой «смешной, по-глупому работающей на других бесплатно», не гнавшейся «за обзаводом», не скопившей «имущества» женщины. Развязкой философского плана сюжета оказывайся понимание сущности этого явления, не уничтоженной житейским исходом («И только тут — из этих неодобрительных отзывов золовки — выплыл предо мною образ Матрены, какой я не понимал ее, даже

живя с нею бок о бок»). Если ранее в речи героев всплывали пословицы, отразившие горький опыт народной жизни («Незнайка на печи лежит, а зайку на веревочке ведут...», «Две загадки в мире есть: как родился — не помню, как умру — не знаю»), то в финале рассказа народная мудрость становится основой для оценки героини: «...она тот самый праведник, без которого, по пословице¹, не стоит село».

Реалистическая достоверность изображенных событий накладывает особый отпечаток на образ Матрены — ее жизнь является не только символом праведности, но и осязаемым подтверждением исконно доброй сущности национального характера. Это дает основание рассказчику для завершающего обобщения, выводящего повествование из глубины «нутряной России» на просторы «всей земли нашей». Вся она «стоит» на правде, скрытой, непонятой, кажущейся глупой и смешной, но единственно важной в ее исторической судьбе. Реминисцентным фоном для этого утверждения являются русские пословицы², а также некрасовская мысль о «правде живучей», составляющей главную «силу» народного мировоззрения, ту «искру сокрытую», что таится на протяжении веков в «убогой», «бессильной», «убитой» Руси, позволяя надеяться на ее возрождение («Кому на Руси жить хорошо»; песня Гриши Добросклонова «Русь»).

---

¹ Имеется в виду пословица «Не стоит город без святого, селение без праведника».

² В «Нобелевской лекции» (1972) Солженицын писал: «В русском языке излюблены пословицы о *правде*. Они настойчиво выражают немалый тяжелый народный опыт, и иногда поразительно: “Одно слово правды весь мир перетянет”. Вот на таком мнимо-фантастическом нарушении закона сохранения масс и энергии основана и моя собственная деятельность...»